

Анна Лерина

Вояж
ПО-ТУРЕЦКИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л49

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Консультант *Ю. Селиванова*

Оформление серии *Е. Петровой*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

© mashabr, Temstock, Vectorfair, Vector Tradition,
sadedesign / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лерина, Анна.

Л49 Вояж по-турецки : роман / Анна Лерина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-197717-7

Красавица Любовь вместе с сыном отправилась в солнечную Турцию. Их ждал приятный отдых на море, и все шло прекрасно, пока увлечение мальчика съемкой незатейливых видеороликов не привело его к страшной находке: Сева случайно обнаружил тело известного турецкого певца. Да уж, это могло испортить отдых любому, но только не Любе — она со своей склонностью к авантюризму принимается за собственное расследование, чем ужасно мешает симпатичному турецкому полицейскому...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лерина А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197717-7

Глава 1

Самолёт наконец приземлился. Это произошло на удивление мягко, так что пребывающая в приподнятом новогоднем настроении и расслабленная продукцией беспрошлинных магазинов публика почти не ощутила момента касания полосы. Противный шум при торможении был разбавлен громкими аплодисментами.

Сильно подозреваю, что эта русская традиция родилась не столько от национальной широты души и искреннего восхищения мастерством пилотов, сколько от испытываемого каждый раз после посадки грандиозного облегчения, смешанного с удивлением. По крайней мере, мне как неизлечимому аэрофобу и безнадежной пробке по физике такая версия максимально близка. Постоянно недоумеваю, как эта многотонная груда металла с керосином вообще может летать.

Самолёт перешел на плавное перемещение по земле, и пряжка ремня безопасности перестала наконец больно впиваться в мой живот. Прозвучало положенное голосовое объявление о посадке и увещевание не включать гаджеты и не покидать свои места до полной остановки воздушного судна.

Некоторые пассажиры (а точнее, добрая половина самолёта) тотчас же вскочили и принялись поспешно вытряхивать содержимое багажных полок. Другие (вторая половина почти в полном составе) мигом создали какофонию из системных звуков включаемых гаджетов и заорали в мобильники на разные лады.

«Каникулы начались», — со счастливой улыбкой подумала я, широко потягиваясь в своём кресле.

Мы с Севкой относимся ко второй категории. В смысле, примкнули ко второй половине самолёта — не дожидаясь разрешения экипажа, я тихонько отключила авиарежим и наэсэмэсила маме: «Сели в Анталье. Всё ок. +17 и дождь» — и сунула телефон обратно в сумку.

В конце концов, я же воспитанный человек. А воспитанный человек правилами пренебрегает не демонстративно и с некоторой опаской. Нет, я верю, конечно, в существование иной породы авиапассажиров. Они после приземления сидят смирно, ничего не включая и не отстегивая, не создавая шума и не толпясь в проходе. Но, скорее всего, они при этом просто безмятежно спят.

Те же, кто по доброй воле и из соображений человеческой сознательности и законопослушности ведёт себя тихо, вплоть до разрешения всесильного громкоговорителя, среди наших людей, направляющихся на отдых, — мне кажется, почти музейная редкость. И я уверена, что в раю для них заранее припасено по отдельной арфе, а также по огромному фолианту с инструкцией по её применению. Да и заодно по методичке с правилами поведения в райских куцах. Мы же, простые смертные, не обладающие просветлённым

стойким духом и усидчивостью утки на гнезде, оказываясь на твёрдой поверхности после долгого полёта, инстинктивно стремимся приблизить счастливый момент личного заземления. Оттого и неуёмно суетимся.

Севка прервал мои транспортно-социологические размышления, пребольно пихнув меня локтем под ребро и сунув в лицо свой новенький смартфон.

— Смотри, мам, круто вышло? — спросил он, почти приложив экран к моему лбу.

— Огонь! — на всякий случай ответила я, вжимаясь затылком в подголовник кресла и тщетно пытаясь сфокусировать взгляд на объекте.

— Сейчас приклею сюда музыку и выложу на свой канал, — деловито сообщил мой восьмилетний начинающий блогер и отодвинул гаджет от моего лица.

Я исхитрилась и взглянула на дрожащую картинку. Облака, то плотные белые, то похожие на сорванную ветром паутину, проступающая местами синь моря и живописные очертания обрывистого берега. Потом появились жилые дома и бесконечные парники, простирающиеся почти до самого горизонта. Все ясно, снимал посадку.

— Да, давай, выкладывай, — одобряюще улыбнулась я.

Судя по всему, с выгрузкой нас из самолёта никто не спешил. В проходе теперь, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, толпились пассажиры с пуховиками, чемоданами и хныкающими детьми в руках. Милovidные стюардессы в выглаженных синих костюмах являли собой образцы специальной подготовки и почти без истерики в голосе призывали всех сесть

на свои места и не покидать их до соответствующего распоряжения капитана. Только одна из девушек, кажется, не выдержала и, почти превратившись в жидкость, бодро просачивалась сквозь толпу.

Целью её маршрута оказался крупный русоволосый мужчина в ядовито-зелёной футболке и с открытой бутылкой виски в руке. Свободной же конечностью последние пять минут он шарил в недрах багажной полки, опасно гремя над головами стоящих рядом людей пакетами со стеклом. При этом он периодически и с явным удовольствием прикладывал губами к горлышку. Мужчина только что уронил чей-то огромный полосатый шарф на голову уважаемой с виду бабули и теперь выслушивал от неё красочные эпитеты в адрес свой и своих ближайших родственников преимущественно по материнской линии. Судя по всему, он пытался извиниться, но успеха не достиг, так как вставить хотя бы слово в бурный речевой поток, источаемый бабулей, у него никак не получалось. Мужчина, казалось, жадно ловил ртом воздух, а глаза его постепенно расширялись от удивления. Как и мои, потому что мизансцена разворачивалась непосредственно рядом с моим креслом.

Мне удалось ловко, одним щелчком, выбить телефон с включенной камерой из рук Севки. Он явно был восхищён богатством бабулиного лексикона и пытался запечатлеть это великолепие для истории. Я не то чтобы сильно переживала в этот момент на тему неприкосновенности частной жизни (материлась бабуля по децибелам вполне общественно). Просто отснятый материал определённо предназначался сыном к тщательному препарированию и заучиванию, а в нашей

приличной «английской» школе... В общем, в прошлый раз подобную Севкину тягу к филологии, и особенно к несению её в массы, седовласая классная руководительница Галина Алексеевна совсем не оценила.

— Мужчина, немедленно прекратите распивать спиртные напитки на борту авиалайнера и займите своё кресло, — строго сказала добравшаяся наконец до цели стюардесса.

Бабуля мигом примолкла, торжествующе фыркнула и отвернулась.

— Ой, фея моя! — расплылся в искренней улыбке пассажир, моментально забыв об обидчивой и красноречивой даме, и жизнерадостно помахал бутылкой. В воздух взметнулась струя пахучей жидкости.

— Я вам не фея! — совсем не по инструкции разлилась девушка, вытирая тыльной стороной ладони попавшие на лицо небольшие капельки. — Я сотрудник авиакомпании. При исполнении. Имею полное право...

На что ангелоподобная бортпроводница имеет право, никто из скучавших в ожидании выхода из самолёта пассажиров дослушать не успел, потому что в этот момент остатки выплеснувшегося из бутылки виски добрались до края её головного убора и уверенной струйкой потекли по её идеально напудренному носику. Девушка на мгновение скосила глаза к переносице. Мужчина в ужасе совсем по-детски принялся покусывать свой кулак. Ядовито-зелёная футболка частично поменяла цвет. Севка снова тайком включил телефон и замер в сладком ожидании.

Повисла тяжелая пауза, после которой прозвучало совершенно его разочаровавшее вкрадчиво-ласковое:

— Мужчина, повторяю: займите своё кресло и уберите бутылку, пока я её не конфисковала, а вас не передала в руки транспортного отдела полиции Турецкой Республики.

Мужик громко икнул и неожиданно подчинился. Через секунду с его места в следующем сразу за нашим рядом послышались грустные вздохи и шуршание очередных пакетов.

Бортпроводница, с достоинством вздёрнув мокрый носик, принялась пробираться к своим.

«Гвозди бы делать из этих девчонок», — подумала я, с легкой завистью глядя на улыбающихся стюардесс.

Севка расстроено отложил смартфон.

— Валюша, Валя, Валечка! — послышалось сзади.

Незадачливый пассажир в зелёной майке, лишившись возможности приложить куда-нибудь свою кипучую энергию, принялся тормозить спутницу. Та за весь полет, казалось, произнесла только одну фразу: «Виталья, ты опять?» Правда, дважды. В дальнейшем, судя по отсутствию каких-либо звуков с её кресла, Валюша впала в анабиоз, не мешая Виталику мирно позвякивать закупленным ассортиментом. Сейчас же она, по всей видимости, обратила на него свой взор, потому что мужик счастливо хрюкнул и возвестил:

— Фея моя, мы сели! Ещё совсем чуть-чуть — и будем на месте. В этом, как его, «Бедуине».

— Фея твоя вон, в туалете шляпу свою отстирывает и штукатурку подправляет, — завела было прелюдию к скандалу ревнивая Валя.

Мой ребёнок снова замер в ожидании и прислушался. Но Валентина почему-то быстро смягчилась и прибавила уже вполне мирно:

— Название отеля выучи уже, наконец. Полезно. Не «Бедуин», а «Караван-сарай», — потом помолчала и с некоторым сомнением в голосе добавила: — Лакшери резорт энд спа. Только тащиться ещё туда часа три или четыре на трансфер-автобусе. Пьянь.

Эпитет прозвучал уже почти совсем нежно. Пока мой расслабленный мозг лениво обрабатывал невольное подслушанный диалог, вяло маяча о поступивших через органы слуха знакомых наименованиях, Севкин, юный, мигом выделил главное и выдал результат в виде заключения:

— Этот пьяный мужик едет с нами. Мам, ты слышала? Он будет тоже жить в нашем отеле. Капец!

Севка озвучил эту мысль, по своему обыкновению, громко. Слишком громко.

Пока я медленно заливалась краской и в очередной раз размышляла, на каком именно этапе воспитания произошёл сбой, спасительный голос капитана пригласил всех на выход.

Глава 2

Утро ворвалось в мой сонный мозг влажными ароматами дождя и моря и рёвом мчащегося мотоцикла. Судя по всему, Севка распахнул балконную дверь.

Всё ещё пытаясь ухватить ускользающую дрёму, я сквозь закрытые веки ощутила мощный удар световой пушки в левый глаз.

Битва за сон была безнадёжно проиграна. Открыв глаза, я обнаружила досадное, но прелюбопытное обстоятельство. Серые дождевые тучи расступились

ровно настолько, чтобы единственный прорвавшийся сквозь эту прореху солнечный луч смог ловко выстрелить мне в лицо.

Я переместилась по кровати немного в сторону, потёрла пострадавший глаз и невольно залюбовалась солнечной иглой, прошивающей теперь мою подушку. Через мгновение игла исчезла. Я вздохнула и медленно вылезла из постели.

Набросив на плечи халат (зима всё-таки), я вышла на балкон.

Севка, одетый в свою любимую синюю пижаму с супергероями, сидел там в плетёном кресле и грустно листал отельные буклеты.

— Доброе утро! Эй! Ты чего такой кислый?

Ребёнок посмотрел на меня с укоризной и веско изрёк:

— Телефон же ты у меня вчера отобрала. А телевизор не включается почему-то. Вот. Читаю. Завтракать когда пойдём?

Севкин телефон действительно лежал сейчас в чемодане под кодом (с отельными сейфами мои отношения традиционно не складываются), иначе мой ребёнок непременно воткнулся бы в него плотно с самого рассвета.

Я поспешила заверить мигом повеселевшего от услышанной информации сына, что соберусь на завтрак очень скоро, а если он нормально поест, то верну ему потом вожделенный гаджет. Затем, немного поразмыслив, я выдала Севке весёлый спортивный костюм и отправила его на рецепцию решать вопрос с телевизором.

Когда за гордым, из-за возложенной на него взрослой миссии, сыном захлопнулась дверь, я пол-

ной грудью вдохнула влажный воздух и бегло оглядела то, что обычно называется видом из номера.

Накануне мне это сделать не удалось: пока мы добирались до отеля, заполняли бланки и получали электронные ключи от комнат, уже наступила ранняя зимняя темнота.

По правде говоря, наш вид из номера мог бы считаться чудесным: серо-синяя из-за пасмурной погоды морская гладь с виднеющимися вдаль рыбацкими лодками, горизонт, тающий в неясной светлой дымке, развесистые пальмы с блестящими от дождевых капель тёмно-зелёными листьями, стройные высокие деревья, отдалённо напоминающие кипарисы, и небольшой симпатичный бассейн прямо под нашим балконом. Но эту картинную идиллию категорически портила шоссейная дорога, проходящая между почти райской территорией отеля и пляжной зоной с променадом. Ничего не поделаешь, это городской отель. Мы специально выбрали именно такой.

Причин на это было две. Первая — в том, что мы очень любим городскую курортную среду с её маленькими и большими магазинами, музеями, локальными кондитерскими, закоулками, неожиданными открытиями и милыми сердцу приключениями, даже в «не сезон» и в давно знакомом месте. А вторая, и главная, причина в том, что в этом городке, у восточной границы курортной зоны страны, живёт моя старинная подруга Оля. Пять лет назад она вышла замуж за прекрасного парня родом из этих мест и, предсказуемо, переехала жить к нему.

Мы с Севкой уже несколько раз приезжали к ним погостить. Оля и Али всегда радушно принимали нас

в своей уютной квартире на окраине города. Маленький Севка очень любил эти поездки к ребятам и даже придумал для них особое название. Он часто озадачивал воспитательницу и приятелей в детском саду, рассказывая, что долго не приходил, потому что «жил в пальмах у Альёли» (апартаменты, которые тогда арендовала молодая семья, располагали чудесным пальмовым садиком).

Но девятнадцать месяцев назад моя похожая на чуть подростковую Дюймовочку подруга героически родила вполне упитанных девочек-близнецов.

Поначалу ошалевший от двойного счастья Али самоотверженно бросился помогать Оле в уходе за младенцами. Но уже к третьему месяцу стало понятно, что его едва начавшая строиться карьера архитектора теперь находится под реальной угрозой краха. От постоянного недосыпа Али всё чаще допускал досадные ошибки и однажды даже чуть не завалил один серьёзный проект.

Всех подробностей проведённых семейных советов и мозговых штурмов я, понятное дело, не знаю. Только итогом их стало то, что из своих прекрасных арендованных апартаментов ребята переехали в родительский дом Али. К великому счастью новоиспечённого дедушки и его постоянной помощницы по дому Фатмы, которая помнила Али ещё маленьким мальчиком.

Теперь Фатма принялась самозабвенно заботиться об Олиных дочках. Отец Али присоединился к заботам о малышках при каждом удобном случае, и вообще казалось: если бы не ответственная работа, готов был с удовольствием посвящать им все двадцать четыре часа в сутках.

В общем, в большом доме семьи Мевланоглу снова поселилась сама жизнь, а Оля искренне недоумевала, почему она раньше была столь принципиальной и так рьяно отстаивала идею сыновнего сепаратизма.

Конечно же, нас с Севкой Оля уговаривала и в этот раз непременно разместиться у них. Благо, по её словам, уж подходящую-то гостевую спальню они для нас на своих трёх этажах отыщут. Но я рассудила, что это было бы не вполне приличным с нашей стороны, ведь настоящей хозяйкой дома моя подруга всё же не является. А для её свёкра, несмотря на все его прекрасные, по заверениям Оли, душевные качества, мы с Севкой всего лишь незнакомые люди.

В ответ на моё безапелляционное заявление, что на этот раз мы остановимся в отеле, смеющаяся Оля сказала, что они с Али согласятся на это сомнительное мероприятие лишь однажды. Но зато мы просто обязаны прийти к ним на обед и познакомиться с господином Керемом, отцом Али, и вот тогда...

Далее шло красочное описание того, как мы с сыном просто-таки влюбимся в её свёкра, раскаемся в своей неуместной деликатности и впредь при посещении сей чудесной страны не пожелаем останавливаться нигде, кроме его гостеприимного дома.

Званный обед Оля назначила на завтра, 30 декабря, потому что 31-го утром они все вместе уезжают на пару дней к родственникам в соседний город. Там у них ожидается какое-то крупное семейное торжество.

Севка вернулся с рецепции и гордо помахал перед моим носом новым пультом для телевизора.